

Международный симпозиум «Владелец и святой. Царь Иван Шишман» и фестиваль «Балканская культурологическая фильмотека»

С 4 по 7 октября 2007 г. в г. Самоков, Болгария, прошли Первые Дни памяти царя Ивана Шишмана. В рамках мероприятия были проведены международный симпозиум «Владелец и святой. Царь Иван Шишман» и фестиваль этнографических фильмов «Балканская культурологическая фильмотека» (второй сезон). Организатором Дней памяти выступила Ассоциация антропологии, этнологии и фольклора «Онгъл» при участии общины города Самоков и городского исторического музея. Событие объединило фольклористов, этнологов, историков, археологов, спелеологов, музейных и библиотечных работников.

Самоков был выбран для проведения симпозиума неслучайно. С 1991 г. Ассоциация «Онгъл» осуществляет полевые этнологические исследования в регионе Самоков. Последние пять лет они проходят параллельно с археологическими раскопками на объекте «Шишманово кале» («Шишманова крепость»), возраст которого датируется от классической бронзовой эпохи (XIII в. до н. э.)

до конца XIV в. За это время было записано огромное количество фольклорных преданий о сражениях и смерти царя Ивана Шишмана — последнего царя II Болгарского царства. В исторической памяти болгарского народа он остался как «последний царь», хотя это не очень корректно, с научной точки зрения, — сам царь воевал с османскими турками как минимум 25 лет, потом войну продолжил его брат, затем их сыновья... Но, по фольклорным преданиям, первые из которых были записаны в регионе Самоков во 2-й пол. XVII в., оказывается, что недалеко от города принял последний бой с османскими турками царь Иван Шишман (1371–1393?). Царь Иван Шишман был убит после продолжительной войны (5–7–30 лет) в 2 км от города Самоков. После проигранной войны Болгария лишилась независимости почти на пять веков.

Между тем официальная историография Болгарии с конца XIX в. приняла другую версию о смерти царя Ивана Шишмана: он был убит у города Никопол на берегу Дуная в 1393 г. Организаторы научного симпозиума хотели пересмотреть эту официальную версию, которая основывается на одной приписке в рукописи XV в., и сместить акцент на фольклорные предания, которые дают другие дату и место смерти царя Ивана Шишмана — г. Самоков. Естественно, многие доклады были самым непосредственным образом связаны с личностью и деятельностью царя, особенно последними днями его жизни, а также с документами и археологическими памятниками, имеющими отношение к этой исторической фигуре.

Д. Димитрова (Регионален исторически музей — Русе) проследила процессы усвоения и трансформации музыкально-песенной модели традиционной культуры и превращения ее в артефакт городского культурного наследия на примере группы текстов песни о царе Иване Шишмане. В научном дискурсе об этой песне отмечается аутентичность текста, который относят к XIV в. из-за описываемой ситуации «последнего времени» и «падения царства». Автор доклада предложила новый взгляд на процесс перехода от народного к национальному сознанию. Этот процесс характеризуется вновь возникшими культурными нуждами, связанными с идеями об общих ценностных моделях, одна из которых, вероятно, унифицирование в текстовом и мелодическом отношении песни о царе Иване Шишмане, популяризованной первоначально как школьная песня и превращенной в один из гимнов болгарского Возрождения, а впоследствии и в символ новой болгарской нации и государства.

Вопреки явному авторскому характеру песни, во всех публикациях стоит определение «народная» — необходимый в новое

время знак преемственности и принадлежности к общности. А распространение ее через печатные издания, включение в учебный материал по музыке, а также в музыкальный репертуар гражданских и военных хоров превращает ее не только в артефакт городского культурного наследия, но и в неизменную часть национального песенного фонда Болгарии. Кроме того, автор в процессе полевой работы выявила хорошее знание песни в современной городской среде и зафиксировала варианты, не опубликованные ранее.

Отдельных ранее неизвестных сведений о последнем царе коснулись Х. Христовски (Самоков) и Н. Митрева (ГИМ — Самоков), представившая вниманию слушателей один из неопубликованных текстов из Самокова о царе Иване Шишмане — рассказ о путешествии в 1878 г. до гроба царя и обрядовых практиках, которые совершались там. Соотношения фольклорных и исторических фактов коснулась В. Кожухарова-Живкова (София) в докладе «Фольклорные проекции мотивов последнего царя и последних времен». Рассмотрен был, в частности, такой фольклорный мотив, как «последний царь — отец чудесного ребенка».

В. Хаджиангелов (ГИМ — Самоков) рассказал о ходе раскопок в «Большой крепости Самоков», расположенной в 4 км к югу от города. Археологи изучают такие части крепости, как церковь (в частности, погребения в часовне, относящиеся к концу IV — началу V вв.), хозяйственный комплекс и др. Одновременно с продолжением раскопок крепость используется и в качестве объекта культурного туризма. Крепость Самоков является типичным объектом в ряду других античных поселений в Самоковском районе, служивших не только стратегическим, но и культурным и религиозным центром, где христианство исповедовалось с IV в.

Более узкой категории находок из объекта «Шишманово кале», а именно — серой парадной керамике, посвятил свой доклад М. Христов (Софийский университет «Св. Климент Охридски»). Археологические изыскания последних двух сезонов принесли значительное количество керамических находок широко распространенных типов сосудов, характерных для провинциальных поселений во Фракии и Дакии. Многие парадные сосуды представлены двумя группами лаковой керамики: краснолаковой и серой лаковой, более многочисленной. Она встречается в ограниченном районе, находит наиболее точные параллели с сосудами из крепости Перник и, вероятно, вместе с ними образует региональную северную группу, отличающуюся от керамики более крупных центров: Пауталия, Солун и Стоби. Все сосуды датируются IV — сер. V вв. н.э. Превосход-

ство в количестве серой парадной керамики по сравнению с краснолаковой в рассматриваемый период, вероятно, объясняется модой, широко распространенной в Восточной Римской империи под влиянием новых этносов — готов, сарматов и др.

В докладе К. Рангочева (Ассоциация «Онгъл») «Смерть царя Ивана Шишмана в „Большой крепости Самоков“» проблема смерти царя Ивана Шишмана рассматривалась в контексте посмертного «принятия» им ислама (потурчване) и смены имени на Касъм ефенди. Таким способом османские турки, испытывая ненависть и страх перед врагом, пытались предотвратить его сакральное воскресение и последующее восстановление II Болгарского царства.

М. Стаменова (София) представила данные о «древностях» в болгарском пространстве как археологическом наследии, с точки зрения произведений местных и иностранных авторов XV в. Автор также проанализировала понимание концепта «древности» в контексте философских течений и археологических изысканий, которые оказали влияние на формирование исторической науки в Европе и Болгарии соответствующей эпохи.

А. Жалов (спелеоклуб «Хеликтит», София) представил доклад «Пещеры в Болгарии — фольклорные измерения». Пещеры занимают особое место в болгарском фольклоре. Фольклорный материал, связанный с пещерами, автор разделил на следующие группы: 1) предания о скрытых в пещерах сокровищах и богатствах; 2) легенды о мифических существах, обитающих в пещерах; 3) предания о пещерах как убежищах для людей в различные исторические периоды; 4) предания о пещерах-святых; 5) предания о пещерах, скрывающих подземные воды. Докладчик также представил обзор тем, охваченных «пещерным фольклором», и его географическое распределение.

Ю. Березкин (МАЭ РАН, СПб.) раскрыл истоки мифологического мотива «Земля на рогах быка». Образ быка, держащего на рогах землю (и часто стоящего на рыбе), широко представленный в Евразии и Северной Африке в записях XIX–XX вв., не отмечен в древних источниках, поэтому его появление обычно связывают с исламом. Однако в Коране этот образ отсутствует. В отличие от западно-евразийских текстов, имеющих позднее происхождение, образы держащего землю млекопитающего на юго-востоке Евразии более разнообразны и интегрированы в традиционные мифологии. Образ рыбы, на которую опирается мир, характерен для Восточной Азии и Сибири. В ходе культурной интеграции Нуклеарной Евразии после рубежа нашей эры формируется единое культурное про-

странство, начинается обмен образами и мифологиями. Образы быка и рыбы распространились на запад и соединились в рамках новой космологической схемы. Многие другие мифологические мотивы, входящие в «народное христианство» и «народный ислам» (например, неудачно сокрытые дети Евы или роговое покрытие первых людей), также обнаруживают параллели на юго-востоке Евразии и не имеют прямого отношения к авраамическим религиям.

В. Колосова (ЕУСПб) в докладе «Образ чужого сквозь призму народной ботаники: этнонимы в названиях растений» рассмотрела корпус славянских фитонимов, образованных от названий этносов. Эта номинационная модель может основываться на разных признаках, приписываемых растениям: «дикий», «не настоящий», «плохой» и т.д. В докладе были сопоставлены группы этнонимов, используемых в той или иной традиции для обозначения растений. Кроме того, был продемонстрирован систематический характер подобных моделей номинации и их использование (в рамках «этнического» кода традиционной культуры) в других группах лексики, например в народных зоонимах, обозначениях природных явлений и т.д.

Р. Петрова и С. Петрова (СУ «Св. Климент Охридски», СОУ «Хр. Ботев», Русе) в докладе «Песенный фольклор села Белчин» представили свой взгляд на изменения в песенном фольклоре села за последние 70 лет. Песни, записанные В. Стоином в 1935 г., а также часть репертуара сельского фольклорного коллектива сравнивались с материалами, собранными во время экспедиции Ассоциации «Онгъл» 2007 г. Тексты сопоставлялись в соответствии с их функциями и основными мотивами.

М. Димитрова (СУ «Св. Климент Охридски») сравнила оглашения в Евтимиевом служебнике и в Киприяновом требнике. В докладе сопоставлялись молитвы, использованные в чине оглашения, из различных славянских средневековых источников с целью определения текстовых вариантов и циркуляции текстов и практик в Болгарии, Сербии и России в XIV–XV вв. Основной фокус сообщения был сосредоточен на тексте Оглашения, сохраненном в Евтимиевом служебнике в сопоставлении с афонскими требниками, восточно-славянскими требниками и требником митрополита Киприяна. Результат такого исследования мог бы пролить дополнительный свет не только на церковные практики и повседневную жизнь, но и на связи и различия между центрами славянской культуры в рассматриваемый период.

Г. Григоров (ЮЗУ — Благоевград), основываясь на данных «Рилской повести» Владислава Грамматика, проанализировал

невербальные выражения христианской идентичности в условиях раннего исламского владычества. Перенесение мощей св. Ивана Рилского из Тырнова в Рилский монастырь в 1469 г. явилось первым духовным и историческим деянием болгар в Османской империи после падения Болгарского царства и было описано современником события Владиславом Грамматиком. В тексте произведения содержится косвенная информация о положении христиан и их взаимоотношениях с мусульманами. В докладе были проанализированы жесты, запахи и предметы, которыми оперировали христиане с целью обозначить причастность к своей религии, а также перемены в болгарской религиозной эстетике — от изящной словесности к декоративности и акциональности.

И. Христова-Шомова (СУ «Св. Климент Охридски») проанализировала перевод Франциском Скориной книги Иова на фоне других старых славянских переводов из Вульгаты и Септуагинты. Перевод двадцати двух библейских книг является вторым славянским библейским переводом, вышедшим в печатном виде. Они вышли в 1517–1519 гг., после чешской Библии, отпечатанной в 1488 г., и перед переводом Мартина Лютера, вышедшим в 1534 г. Книга Иова вышла 10 сентября 1517 г. До перевода Скорины было еще пять старых славянских переводов: три перевода Септуагинты и два — Вульгаты (на хорватский и на чешский). Перевод Франциска Скорины рассматривался в сопоставлении с этими переводами и с греческим и латинским текстом книги Иова. Анализ показал, что Скорина переводил в основном с латыни, но те части, которые входят в славянское богослужение, переведены с греческого, или же для них был использован староболгарский перевод св. Мефодия. Этот перевод Скорины мог быть использован и для чтения, и для православного богослужения. Перевод Скорины сделан на церковнославянский, но автору удалось сделать текст доступным и ясным при помощи употребления личных глагольных форм, а также перфекта вместо аориста и имперфекта. Словарь Скорины очень богат, он употребляет как церковнославянские, так и белорусские слова. Франциску Скорине удалось сделать один из лучших переводов книги Иова на начало XVI в.

Н. Робев (НБ «Св.св. Кирил и Методий») выступил с докладом «Личность в истории: „Слабый Иван Шишман и ‘сильная’ Кера Тамара“». В отличие от своего отца, Ивана Александра, характеризуемого официальной историографией как «умелый правитель и дипломат», последний царь Тырновской Болгарии не получил даже такой — слишком обобщенной и неточной — оценки. В фольклоре он представлен то как гордый предводитель храброй и неисчислимой армии в борьбе против заво-

евателей, то как смелый, но недостаточно ответственный защитник последней твердыни, который забывается после кровопролитного сражения в беспечном пьянстве. В то же время «гордая Мара — бяла българка», о которой современная наука почти не располагает достоверными данными, стоит в народной памяти на недостижимом пьедестале, поскольку ее необыкновенные добродетели, целиком посвященные служению родине, противопоставляются беспомощности мужчин. Точно так же ее образ толкуется и в художественной литературе. Целью доклада является попытка, основанная на малоизвестных фактах, разграничить правдоподобное и невозможное при освящении роли этих фигур в истории Болгарии.

Р. Малчев (Ассоциация «Онгъл») уделил внимание особенностям формирования фольклорной истории со своим механизмом фиксирования информации, который не противоречит исторической информации, а расширяет и дополняет ее. В качестве примера докладчик выбрал формирование культа царя-святого. Святой царь — церковный агионим сербского царя Стефана Уроша II Милутина (1275–1317). Первоначально его мощи хранились в г. Звечан, обл. Косово, но в 1460 г. были перенесены в Софию — важный центр православного культурного пространства Рилского монастыря. Культ царя-святого Ивана Шишмана в Софии складывался одновременно по церковной и по фольклорной линиям. Однако в обоих случаях определяющее влияние имели структура и система почитания болгарского святого Ивана Рилского, в том числе и посредством особого, фольклорного представления о нем как о кефалофоре, герое христианских легенд, содержащих мотив «Движение (полет) святого (без головы) для переноса святости».

Более подробно мотив кефалофории был рассмотрен Ц. Димитровой (ИФ — БАН) на материале преданий о гибели царя Ивана Шишмана в окрестностях Самокова. В докладе мотив сакральной кефалофории был проанализирован в контекстуальных рамках христианской доктрины, как и его роль в текстах о гибели царя. Интерес представляет «использование» этого мотива с целью сакрализации образа болгарского правителя в идеологическом контексте механизмов конструирования нации в XIX в. «Прикрепление» мотива к нарративам о смерти Ивана Шишмана является знаковым из-за своей роли интерпретативного кода к событиям прошлого и, соответственно, настоящего. Анализ показывает активное взаимодействие между устной и письменной традициями, а также влияние на книжность и печать в сфере актуализации, формирования и сохранения коллективных представлений.

А. Малчева (Асоциация «Онгъл») рассмотрела модели создания образа королевича Марко в болгарском юнацком эпосе, доказывая тезис о том, что образ королевича Марко создан на основе определенных ментальных «заготовок» по отношению к героическому. Он обладает одновременно и сущностью правителя, и чертами смиренного служителя бога. Модели, по которым строится героический образ, — это модели поведения, которые носят усиленные личностные маркеры; модели, для которых действия героя конкретны и имеют отношение к божьей воле в человеческой жизни. Все это позволяет поместить корни болгарской эпической традиции в эпоху предысторического мышления, для которой характерно стремление к уничтожению истории, а не к ее возвеличению.

Ф. Успенский (Москва) проанализировал функции обряда крещения костей в средневековой Руси и Скандинавии. Русские и скандинавы понимали крещение как событие, обращенное не только в будущее, но и (частично) в прошлое, в дохристианские времена. Так, в 1044 г. Ярослав Мудрый выкопал останки князей Олега и Ярополка, умерших до официального крещения Руси. Останки были перенесены в Десятинную церковь и перезахоронены там. После эксгумации кости князей были крещены. Эти действия прямо связаны с культом рода, крайне важным для княжеских семей изучаемого периода. Крещение костей усиливало авторитет Ярослава, поскольку он имел не только христианских родителей и прабабку, но и двух христианских членов княжеской семьи. Деяния Ярослава имеют прямые параллели с практикой перезахоронения останков, принятой в Скандинавии в течение первых десятилетий после принятия христианства; так, Харальд Синезубый, возведя церковь, перенес под ее пол останки своих родителей, умерших язычниками, и, вероятно, крестил их. Таким образом, князья и конунги продлевали христианскую историю своего рода за счет выкапывания, крещения и христианского захоронения своих предков, умерших до принятия христианства страной в целом.

Ц. Комитова (РИМ — Благоевград) в предварительном сообщении об изысканиях в крепости «Св. Димитър» рассказала о неизвестной ранее крепости в окрестностях города Хаджидимово (юго-западная Болгария). Эта крепость отличается ярко выраженной преемственностью развития от праистории до поздней античности (конца V в.).

А. Тенчова (НАИМ — БАН) проанализировала уникальные погребения в античной Аполлонии (современный г. Созопол на берегу Черного моря). Их особенность заключается в том,

что в могилу клали не одну, а три монеты (т.н. «харонов обол»).

Ж. Узунов (НАИМ — БАН) в своем сообщении осветил территориальные закономерности в распространении ритуальных ям на территории (преимущественно) Южной Болгарии в I тыс. до н.э.

Г. Хар. Григоров (ИЛ — БАН) выступил с докладом «Символическая реставрация рухнувшей политической доктрины. Политика болгарских ханов Крума и Омуртага в I пол. IX в.». Разрушение сакрального центра державы, как правило, ведет к распаду государственного престижа и порождает эсхатологические ожидания. Автор сделал предположение, что захват болгарской столицы Плиска и разрушение языческих святилищ войсками византийского императора Никифора I в 811(?) г. подорвали веру болгар в мифополитическую доктрину о космических основаниях существования государства, в центре которой находится идея, что столица неразрушима, потому что она является земной проекцией Полярной звезды. Это предположение позволяет увидеть в последующих политических действиях ханов Крума и Омуртага — особенно их гонениях на христиан — свидетельства глубокого идеологического кризиса, в котором, несмотря на военные успехи, оказалось болгарское общество, и интерпретировать ряд зафиксированных семиотизированных жестов болгарских правителей как попытку восстановления пошатнувшейся доктрины об основаниях существования государства.

В докладе А. Юдина (Гент) «Цари в народной магии восточных славян» речь шла о фигурах царей, встречающихся в восточнославянских заговорах. Ряд царских имен в заговорных текстах достаточно широк и разнообразен. Среди них встречаются и исторические фигуры (царь Соломон, святые Константин и Елена, Александр Македонский, святые князья Борис и Глеб), и мифические персонажи (змеиные цари, Царь-Огонь, царица Искра). Помимо имен царственных особ в докладе рассматривалась сопутствующая историко-культурная информация: атрибуты заговорных царей, их магические функции, локусы их появления, «противники» и т.д.

А. Бояджиев (СУ «Св. Кл. Охридски») в краткой презентации описал принципы построения электронного словаря болгарского языка средних веков, который создается в Софийском университете. Докладчик сосредоточился в основном на двух аспектах перевода информации в цифровую форму: структуре словаря и способах репрезентации текстов-источников. Помимо рукописей и старопечатных книг в качестве источников

будут использованы архив кафедры русского языка Софийского университета, архив Идеографического словаря Софийского университета, архив Института болгарского языка и др. По замыслу авторов, словарь будет совмещать в себе несколько моделей — классический синхронный словарь, историю изменения значений слов, параллели с современными и старыми языками, а также культурный контекст.

Д. Каназирова и Л. Николов (ГИМ — Самоков) поставили такую проблему, стоящую перед современной музеологией, как оцифровывание музейных экспонатов. В Историческом музее Самокова авторы создают цифровые фотографии и стандартизированные научные описания для каждого музейного экспоната.

В рамках кинофестиваля были показаны следующие фильмы.

Этнографический фильм В. Васевой (ЕИМ — БАН) «Банатское жилище» познакомил зрителей с одним из самых колоритных сел Северной Болгарии — Бърдарски геран, основанным в 1887 г. переселенцами — болгарами-католиками и немцами из Баната. Основная часть населения происходит из села Стар Бешенов (современная Румыния) и из села Иваново (современная Сербия). Автор уделил внимание таким сторонам специфичного быта банатских болгар, как особенности жилища, одежды и гигиены, а также местной кулинарии. Сельский фольклор представлен самодеятельным ансамблем и духовым оркестром. Особо показана важная роль католической церкви в жизни и культуре банатских болгар. В фильме также были использованы фотографии из архива Этнографического института в Софии.

В. Тончева (ИФ — БАН) в фильме «Легенда о царе Иване Шишмане» собрала рассказы жителей с. Доспей (район Самоков), представляющие локальное знание о царе, его последних битвах и смерти, связанные с топонимами Шишманов връх, Шишманов гроб, Царев кладенци, Петрова църква, Кара гьол. Эти тексты прокомментированы этнологами К. Рангочевым и Ц. Димитровой с точки зрения взаимодействия устного и письменного в фольклоре, конструирования национально значимых персонажей и роли фольклора в этом процессе. Свой взгляд на легенды о царе Иване Шишмане представил археолог Исторического музея Самокова В. Хаджиангелов. Он рассказал о результатах раскопок в районе Петровой церкви и Шишманова гроба, которые привели к другим историческим датировкам и не имеют конкретных связей с царем Иваном Шишманом.

В фильме «Митро ле, Митро, сиво гълъбче...» (К. Рангочев, Р. Малчев, Ассоциация «Онгъл») представлены рабочие кино-материалы этнологической экспедиции в с. Цапарево, Струмяни, обл. Благоевград, в июле 2007 г. Конкретным поводом для посещения села послужило исследование фольклорного сообщества, в котором долгое время сохраняется популярная болгарская песня «Митро ле, Митро, сиво гълъбче...». Однако в ходе экспедиции исследователи открыли еще один локальный феномен — уникальную организацию церковного двора православного храма «Св. Димитър Солунски Чудотворец», т.н. «трем», и множество образцов антропоморфной каменной пластики периода 1871–1879 гг. в церковном дворе.

Кроме того, А. Жалов (спелеоклуб «Хеликтит», София) представил вниманию зрителей две фотопрезентации: «Голо Бърдо — земля забытых болгар» и «Балканский культурный калейдоскоп». Первая из них сделана по материалам, собранным в экспедициях 2005 и 2007 гг., и демонстрирует культуру и быт этнических болгар, проживающих в районе Голо Бърдо, республика Албания. В нелегкой ситуации, когда условия жизни подталкивают к переселению в другие районы и ассимиляции с албанцами, жители региона сохраняют свой традиционный костюм, утварь, жилище и обряды. Во второй презентации были представлены фотографии культурных, архитектурных и исторических достопримечательностей Албании, Болгарии, Греции, Турции, Македонии и Сербии, сделанные в 2005–2007 гг. Помимо образовательной цели, автор поставил задачу продемонстрировать, что общая историческая судьба балканских народов породила общий «балканский стиль» в традиционном градоустройстве, строительстве и архитектуре.

Культурная программа для участников симпозиума включала посещение достопримечательностей города Самокова: сакрального комплекса «Бельова църква» (включает церковь Рождества пресвятой Богородицы IV в., перестроенную в XV в. и заново расписанную в XVII в., и аязмо — священный источник), Митрополитской церкви Успения пресвятой Богородицы (построена в конце XVII в.), женского монастыря Покрова пресвятой Богородицы. Кроме того, в экскурсию было включено посещение археологического объекта «Петрова църква — Шишманово кале». Его археологическое изучение началось в 2005 г. Крепость «Шишманово кале» датируется по найденным керамическим фрагментам с расцвета бронзовой эпохи (XIII в. до н.э.) до конца XIV в. н.э. Крепость занимает 2,8 га, к настоящему моменту раскопаны два ряда крепостных стен и цитадель. Рядом с крепостью археологи нашли монастырский комплекс с уникальной епископской церковью,

которая датируется первой половиной IV в. и просуществовала до конца VI — начала VII вв. Предполагается, что церковь была разрушена во время первых нашествий болгар на Балканский полуостров. В прошлом археологическом сезоне было раскопано несколько жилых помещений и часть казармы крепостного гарнизона. Сейчас археологи пытаются определить, какая конкретно часть крепости использовалась в период XII—XIV вв. (известно, что в этот период II Болгарское царство обычно использовало только часть всей площади античных крепостей).

Валерия Колосова, Константин Рангочев